УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 149, кн. 4 Гуманитарные науки *2007*

УДК 801.82

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Ф.М. Хисамова, Н.Ш. Хисамов

Аннотация

В первой части статьи приводится обобщающие сведения об истоках старотатарского литературного языка XVI – XVIII вв. и о специфике его бытования в различных функциональных стилях. Вторая часть статьи посвящена характеристике восточных основ татарской литературы.

Татарская литература вплоть до начала XX в. развивалась как неотъемлемая часть восточной литературы. Ее историю можно и необходимо было изучать лишь в тесной связи с историей арабской, персидской и турецкой литератур. Это и придало востоковедческий характер татарскому литературоведению.

I. Истоки татарского литературного языка. По единодушному мнению исследователей, поволжское тюрки (старотатарский литературный язык) своими корнями восходит непосредственно к литературному языку Золотой Орды (Джучиева Улуса) и Мамлюкского Египта XIII – XIV вв. В тюркологической литературе, как у нас в стране, так и за рубежом, применяются различные термины для обозначения этого периода развития тюркских литературных языков средневековья: золотоордынско-хорезмский или кыпчакско-огузский литературный язык [1, с. 4], хорезмско-тюркский литературный язык [2, с. 81], хорезмско-золотоордынский [3, с. 84] и др.

Как известно, территория Джучиева Улуса была довольно обширной и Золотая Орда имела несколько культурных центров. Одним из культурных очагов был Северный Хорезм – низовье Сыр-Дарьи, сохраняющий еще былые традиции тюркской (караханидско-уйгурской) письменной культуры Средней Азии; другим таким же центром уже в XII – XIII вв. было низовье Волги – Сарай [1, с. 16]. А с XIV века появляется новый очаг – Египет. «На территории современного Египта нашел свое дальнейшее развитие золотоордынский смешанный кыпчакско-огузский письменный язык» [1, с. 16]. Одним из культурных центров была и Волжская Булгария, а позже – Казанское ханство. Этот культурный очаг Золотой Орды, в отличие от Нижнего Поволжья или, скажем, от Мамлюкского Египта, где сложные этнические процессы (смешение различных тюркских племен, образование наддиалектных койне, создание литературных вариантов языка) происходили уже после монгольских завоеваний, имел давнюю культурную, в том числе и письменно-литературную традицию [4, с. 172; 5, с. 6–7]. На этой территории в первой трети XIII в. была написана на смешан-

ном, но уже традиционном литературном языке поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. Появление таких произведений, как «Кисекбаш китабы», «Бедавам», исследователи также связывают с этим регионом [6, с. 136]. Сюда же следует отнести памятник «Нахдж-уль-Фарадис», созданный в Сарае выходцем из Булгара Махмудом бине Гали. На более архаизированном варианте литературного языка были созданы эпиграфические памятники. Для правильной ориентации в сложной историко-культурной и языковой ситуации этого региона очень важное и принципиальное значение имеют высказывания Э.Р. Тенишева о вариативности старотатарского литературного языка в XIII – XIV вв. и позже. Он выделяет следующие варианты старотатарского литературного языка:

1) огузированный вариант хорезмско-тюркского языка, который был занесен потоком культурного влияния в Поволжье. На этом языке были написаны «Кысса-и Йусуф» Кул Гали, «Кисекбаш», «Бедавам» и др.;

2) литературный язык, сохраняющий в большей степени хорезмско-тюркскую основу, граничащую с более древним караханидско-уйгурским («Кыссас-уль-анбия» Рабгузи);

3) письменно-литературный язык, продолжающий поволжско-кыпчакскую традицию («Хосров и Ширин» Кутба и др.);

4) появившийся в более позднее время (XVI – XVII вв.) литературный язык, отражающий чагатайские традиции [6, с. 137].

Несмотря на функционирование в различных вариантах (в огузированном, кыпчакизированном вариантах и т. д.), литературный язык Золотой Орды имел, безусловно, общие, региональные черты и выступал как последующий этап в развитии тюркских литературных языков. По мнению большинства исследователей, этот литературный язык в своей основе является кыпчакским и по своим структурным особенностям он заметно отличается как от предшествовавшего караханидско-уйгурского литературного языка, так и от оформившегося в последующий период в тимуридском Мавераннахре классического чагатайского языка. Как отмечает Г.Ф. Благова, «в части своей базисной системы чагатайский язык ориентировался на некий общий наддиалектный язык, стоявший ближе всего к диалектам Ферганы» [7, с. 48], в качестве одного из дифференциальных признаков, например, можно отметить систему склонения (без промежуточного -н-, характерного для чагатайского, и с промежуточным -н, характерным для золотоордынско-хорезмского литературного языка, типа: *углыйга – углына*) и др.

Период существования Казанского ханства – XV – XVI вв. – является временем образования единой татарской народности, и на основе консолидации булгарских и кыпчакских племенных диалектов в этот же период окончательно формируется татарский общенародно-разговорный язык [8, с. 105]. Характеризуя этот этап истории татарского языка, большинство исследователей единодушно в том, что основы общенародного татарского разговорного языка в первоначальной форме были заложены еще в Волжской Булгарии ([9, с. 80] и др.) В этой связи пристального внимания заслуживают высказывания этих ученых о том, что сложившееся в Волжской Булгарии как средство межэтнического общения наддиалектное койне было общетюркского типа и что первоначальный вариант регионального письменно-литературного языка «сложился на базе

письменной формы общебулгарского койне, но под сильным воздействием и с включением письменной традиции караханидско-уйгурского, а позднее хорезмско-тюркского литературного языка» ([5, с. 19], см. также [10, с. 120]).

Как же обстояло дело с функционированием письменно-литературного варианта татарского языка в более позднюю эпоху – в XVI – XVIII вв.?

Довольно подробное описание культурно-исторической и, отчасти, языковой ситуации этого времени мы находим в капитальном труде по истории татарской литературы Г. Рахима и Г. Губайдуллина [11, 12]. Много внимания анализу и оценке социально-политической и культурно-исторической обстановки уделяется в связи с источниковедческим и археографическим изучением исторических письменных памятников средневекового Поволжья в исследованиях М.А. Усманова [13, 14]. И, наконец, большим подспорьем для систематизации литературных источников и уяснения общекультурной ситуации является выход в свет сводного труда по истории татарской литературы [15].

Как нам представляется, выдвинутое Э.Р. Тенишевым положение о вариативности татарского литературного языка более ранних периодов соотносимо и с развитием старотатарского языка в XVI – XIX вв. Татарский литературный язык этого периода представлен следующими вариантами.

1. Региональный литературный язык, непосредственно восходящий к кыпчакскому в своей основе литературному языку периода Золотой Орды и постепенно вбирающий в себя элементы общенародно-разговорного татарского языка. Традиционная часть этого варианта литературного языка является *унаследованной* (связь по наследству), и она представлена преимущественно уйгуро-караханидской и в меньшей степени – огузской традицией. На этом письменно-литературном языке написано большинство памятников официально-делового стиля, исторические сочинения XVII и начала XVIII вв. На этом же языке создавалась художественная литература – поэмы Мухаммедьяра и других поэтов периода Казанского ханства и позже. Обращение к языку старотатарских деловых документов более ранних эпох (XVI – начало XVII вв.), а также к памятникам других функциональных стилей (например, к поэмам Мухаммедьяра) убеждает, что этот вариант литературного языка был более близок к татарскому общенародно-разговорному языку еще в XVI – первой половине XVII в. Примерно с конца XVII и начала XVIII вв. в отдельных циклах материалов деловой письменности, например, более ощутимо начинают проявляться огузские черты, что было, кстати, связано с конкретными социально-историческими предпосылками – активизацией дипломатических отношений с Турцией и Ираном (Азербайджаном).

2. Судя по языковым особенностям материалов деловой письменности, примерно со второй половины XVIII в. более явственно начинает ощущаться влияние чагатайской литературной традиции (специфические формы притяжательного склонения, послелоги: *кашыйга, сарый* «к (чему-либо)», лексические единицы *чабу* «разоряться», *атлану* «снаряжаться» и др.). Эти структурные признаки как бы наслаиваются на прежние, более древние традиционные черты, такие, как формы на *-гу*, *-гү*; *-гучы*, *-гүче*; *-гудай*, *-гүдәй*, сохранение согласных в конце слова: *олуг, кечүк, сарыйг*. Этот период развития литературного языка характеризуется также увеличением удельного веса арабских и персид-

ских заимствований. Это тоже может расцениваться как влияние чагатайского языка. Ибо, как отмечают исследователи, для классического периода развития чагатайской литературы особенно характерно было обилие арабизмов и фарсизмов, этому способствовало и то, что все поэты «Золотой поры» чагатайской литературы были двуязычны, писали стихи как на тюркском, так и на персидском языках [11, с. 132]. В этом случае мы имеем дело с непосредственным *влиянием* (выделено нами. – *Ф.Х.*, *Н.Х.*) более престижной литературной традиции, т. е. это уже – «связь по влиянию» [16, с. 78].

Влияние классической чагатайской литературы шло, как известно, через различные каналы: распространение литературных произведений, созданных в Средней Азии, обучение татарской молодежи в медресе городов Средней Азии; важную роль играли и такие внешнелингвистические факторы, как активизация дипломатических, торговых отношений со Средней Азией и посредническая роль татар в этих событиях. Но, несмотря на разносторонние влияния и связи, татарский литературный язык этого периода сохранял все же свои основные региональные черты: созданные в самом Поволжье различные письменные памятники невозможно не отличить от тюркоязычных памятников других регионов, как нельзя, например, ошибиться в авторстве стихов М. Кулыя, приписав их поэтам Средней Азии той же поры. Именно поэтому все разновидности, варианты старотатарского литературного языка (равно как и другие, возникшие позже, огузированные варианты) должны рассматриваться в функциональной системе татарского литературного языка и характеризоваться как отдельные его страты. А что касается произведений тюркоязычной поэзии или исторической прозы, созданных непосредственно в Средней Азии или османо-турецком регионе, но внесенных культурным влиянием в Поволжье и широко распространенных среди татарского народа, таких, как «Бакырган», «Ахырзаман», «Субат-уль гажизин», «Раунак-уль ислам», сочинения Абулгази и Мухаммед Салиха (среднеазиатско-чагайтские) или же «Мухаммедия», «Тутый-наме», «Саит-баттал» (османо-турецкие), то они непосредственно не входили в функционально-стилистическую систему регионального татарского языка, следовательно, не были и непосредственными составляющими функциональной парадигмы татарского языка этого периода. Но в то же время они играли важную роль в создании общего культурного фона эпохи, а также существенным образом влияли и на языковую ситуацию.

Старотатарский литературный язык изучаемого периода (XVI – XIX вв.) представлен письменными памятниками, относящимися к различным функциональным стилям: художественная литература, исторические источники, официально-деловая письменность и др.

Художественная литература. Язык татарской классической поэзии в этот период представлен произведениями таких поэтов, как Мухаммедьяр (XVI в.), Мавля Кулый (XVII в.), Утыз Имяни (XVIII в.), а также стихами Мухаммед Амина (XVI в.), Габди и Габдессаляма (XVIII в.). Татарский литературный язык, представленный в этих поэтических текстах, несмотря на сохранение традиционных черт, восходящих к кыпчакскому литературному языку Золотой Орды, значительно отличается как от поэм Кутба, Сараи, так и от языка «Нахджуль-Фарадис». Этот язык по своему лексическому составу и базисной системе

грамматических форм уже в значительной мере является татарским. Особенно примечательны в этом плане поэмы Мухаммедьяра (XVI в.) и хикметы Мавля Кулыя (XVII в.). Художественно-стилистические приемы, применяемые в их произведениях, очень близки к татарскому народно-разговорному языку: *күңел күзе* «чуткость», *караңгы, кара күңел* «горестная душа», *хәсрәт йотып* «сильно горюя», *хур-зар булып* «подвергаясь унижению», *ата-анадыйн алгыш (алкыш) алу* «получить благословение родителей» и др.

Исторические источники. Наиболее исследованными в общефилологическом и историко-источниковедческом плане среди памятников старотатарского литературного языка являются татарские исторические источники XVII – XVIII вв. [11, с. 87–126; 13]. К ним, как известно, относятся следующие: «Джамиг-аттаварих» (Сборник летописей), написанный в Касимове Кадыр-Али-Беком в 1602 г.; анонимный сборник «Дафтар-и Чингиз-наме» (XVII в.); «Таварих-и Булгария» Х. Муслими (конец XVIII в.), татарские генеалогические записи (шеджере) и появившееся чуть позже сочинение Т. Ялчыгулова «Таварихнаме-и Булгар» (XIX в.). На основе анализа некоторых образцов этих источников исследователи высказывают мнение, что они написаны на одном из вариантов поволжского тюрки, в котором структурно преобладали кыпчакские черты, а архаичный пласт поддерживался в основном традициями кыпчакско-огузского (золотоордынского) литературного языка и в меньшей степени – чагатайскими традициями (формы падежа без вставочного -н- и на -дин и др.) [17, с. 20; 18, с. 18]. Не исследованным в лингвистическом плане до сегодняшнего дня остается интереснейший памятник XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме» анонимного автора, вызвавший в свое время оживленный интерес в различных кругах и издававшийся в Казани несколько раз (подробнее см. об этом [11, с. 89–103; 13, с. 120–125]). Этот исторический сборник, включающий в себя несколько дастанов и отрывки из татарской летописи (Вакаиг-намә) XVII – XIX вв., в лингвистическом плане особенно интересен тем, что, несмотря на традиционность сюжета, является в общем оригинальным сочинением, возникшим в поволжском регионе, и написан, по мнению исследователей, поволжским татарином [11, с. 90] на «выдержанном кыпчакско-татарском письменном языке», очень близком к разговорной речи татар, и «истоком его является литературный кыпчакский язык времен Золотой Орды» [13, с. 125].

Язык деловой письменности. К самым ранним известным в науке образцам тюркской деловой письменности поволжского региона относятся ярлыки и битики периода Золотой Орды, Казанского и Крымского ханств (XIV – XVI вв.). Их появление было вызвано общественными потребностями государственного управления империи, а позже – татарских ханств.

Следующий этап развития деловой письменности Поволжья (XVI – XVIII вв.) представлен многочисленными дипломатическими, частноправовыми и другими актами, относящимися в подавляющем большинстве к русско-восточным отношениям.

В XVI – XVIII вв. татарская деловая письменность имела широкую географию распространения актов, грамот, включила в себя множество официально-деловых (дипломатических), частноправовых и других актов, представлена она также манифестами, служебными и частными письмами членов русских мис-

сий (экстрактами) и т. д. Особый интерес, как известно, представляют документы, связанные с крестьянскими выступлениями, воззвания и письма предводителей крестьянских восстаний, материалы штабной канцелярии и др.

Следует отметить, что язык деловой письменности является в то же время наиболее последовательно и полно представленным компонентом в общей функционально-стилистической системе татарского письменно-литературного языка этого периода, так как непрерывное и активное функционирование официально-делового стиля старотатарского литературного языка в течение нескольких веков было значительным явлением в культурно-исторической жизни не только татарского, но и ряда других тюркских, да и нетюркских народов. И введение в научный оборот многочисленных татароязычных деловых материалов помимо восстановления функциональной истории старотатарского письменно-литературного языка служит насущным требованиям пополнения источниковедческой базы изучения истории татарского языка в структурном аспекте, т. е. для исторической грамматики.

II. Востоковедческие основы татарского литературоведения. Татарская литература в течение веков развивалась как неразрывная часть литературы мусульманского Востока. Продолжая художественно-стилевые традиции древнетюркской письменности, она тесно взаимодействовала с высокоразвитой арабской и персидской литературной, окрепла и обогатилась новой сюжетикой и сложной художественно-образной системой и философско-эстетическими концепциями. Будучи сравнительно рано подключенной к мусульманской культуре, она зачастую играла авангардную роль в общетюркском литературном процессе. Например, булгаро-татарский поэт начала XIII в. Кул Гали, обратившись первым к библейско-кораническому сюжету Йосифа Прекрасного, своей поэмой «Кысса-и Йусуф» (1233) подключил средневековую тюркскую литературу и передовое тюркское общество к общемировым поискам идеала красоты и благородства. Введенный им романтический сюжет стал двигателем развития поэзии у многих тюркских поэтов в Средней и Малой Азии, где появились десятки его последователей.

Так же обстояло дело и с усвоением художественного опыта Низами и Саади. В XIV в. золотоордынский поэт Кутб творчески перевел «Хосрова и Ширин» Низами, а Сейф Сараи вольно перевел «Гулистан» Саади. Позже в турецкой литературе появились новое переводы и назире.

И в последующие века татарская литература развивалась в системе литератур мусульманского Востока. У казанского поэта XVI в. Мухаммедьяра мы обнаруживаем тесную связь с поэзией Лютфи и Навои, с персидским «Тутинаме», у Мавля Кули (XVII в.) – с Ахмедом Ясеви. Такое же плодотворное взаимодействие наблюдалось в XVIII, XIX и начале XX вв. Точную проекцию арабской «Тысячи и одной ночи» мы обнаруживаем на рубеже XIX – XX веков в творчестве Фатыха Халиди.

И, естественно, татарское литературоведение не могло не быть востоковедческим по существу. Первые создатели масштабной истории татарской литературы Гали Рахим и Газиз Губайдуллин рассматривали ее именно как одну из восточных литератур с их художественно-поэтической системой, с суфийско-

философскими течениями, с генетической и типологической связью, опираясь при этом на труды русских, западноевропейских и турецких ученых.

Исследование классической татарской литературы с древнетюркского периода («Кутадгу билиг» Йусуфа Баласагуни) до начала XX в. осуществляется с учетом общих достижений отечественного востоковедения. Опыт востоковедческой науки для татарских литературоведов является надежным фундаментом во всех четырех аспектах их исследований: 1) текстологическом, 2) источниковедческом, 3) философско-эстетическом и 4) поэтологическом.

На современном этапе особенно плодотворной представляется добротная текстологическая школа востоковедения. После продолжительного периода запретов и застоя этот момент в татарском литературоведении приобретает острую актуальность. И как ответ на потребности времени подготовлены или изданы крупные памятники средневековой литературы: «Кысса-и Йусуф» Кул Гали (Ф.С. Фасеев, Н.Ш. Хисамов), «Хосров и Ширин» Кутба (Х.У. Усманов и Х.Ю. Миннегулов), «Гулистан бит тюрки» Сейфа Сараи (Х.Ю. Миннегулов), «Нури содур» и «Тухфа-и мардан» Мухаммедьяра (Ш.Ш. Абилов), «Тысяча и одна ночь» Ф. Халиди (А.Х. Алеева), «Тысяча и одно утро» Ф. Халиди (З. Мухамметшин), «Маджмуг ал-хикаят» (Н.Ф. Исмагилов), «Шахнаме» Шарифа (Р.Ф. Исламов); памятники литературы XIX века (М.В. Гайнетдинов и М.И. Ахметзянов), произведения Г. Утыз-Имяни (А.М. Шарипов), Г. Кандалый и Акмуллы (М.А. Усманов), Г. Тукая (Р.Р. Гайнанов), антология поэтов тукаевского круга (З.З. Рамеев и другие). Надо сказать, что грамотное и качественное издание памятников стало возможным благодаря составительскому и редакторскому участию большого знатока рукописных источников Миркасыма Усманова.

Татарское источниковедение своим зарождением и развитием также обязано отечественному востоковедению, в особенности его казанской школе. Хусаин Фаизханов, Ибрагим Халфин, Шигабутдин Марджани и Риза Фахрутдинов трудились в тесном сотрудничестве с Березиным, Вельяминовым-Зерновым, И.Ю. Крачковским. Эта отрасль востоковедения жива и плодотворна и со временем становится все более актуальной как в плане методики выявления новых источников собственно татарской литературы, так и в плане раскрытия древнейших истоков сюжетов, мотивов, персонажей и поэтических тропов в арабо-персидских литературных источниках и традициях. В этой области татарское литературоведение накопило солидный опыт, о чем можно судить по монографическим исследованиям А.Т. Тагирджанова, Х.У. Усманова, М.А. Усманова, Н.Ш. Хисамова, Р.К. Ганиевой, А.М. Шарипова, Х.Ю. Миннегулова, К.С. Давлетшина, Н.Г. Ханзафарова, Р.Ф. Исламова, А.Т. Сибгатуллиной.

И, наконец, неизменно плодотворным и актуальным в востоковедных основах татарского литературоведения остается поэтологический аспект. Классический период средневековой и новейшей татарской поэзии завершается творчеством Тукая. Тукай – это последний татарский поэт, который творил в рамках арабо-персидской поэтической системы, основанной на арузе. В его поэтическом мышлении тысячелетнее развитие литературы мусульманского Востока трансформировано в емкие, полные философской диалектики поэтические тропы. И он – первый поэт, который так полно воплотил в себе восточно-западный

синтез в идейно-художественном развитии татарской литературы. Сплав восточных и европейских литературных традиций в поэзии Тукая, Дердменда и Сагита Рамиева – этих титанов обновления поэтической системы – явился фактором ускоренного развития татарской литературы в начале XX в. В прозе и общественной мысли, а в сущности, и во всей литературе выразителями такого обновления были Гаяз Исхаки и Галимджан Ибрагимов. Примечательно, что фундаментальную монографию Мансура Хасанова о Галимджане Ибрагимове рецензировали крупные востоковеды И.С. Брагинский и Х.Г. Короглы, и первый из них отметил, что до этого ощущалась нехватка одного из решающих звеньев в связях Востока и Запада, а теперь благодаря этой монографии и фигуре Г. Ибрагимова этот разрыв полностью восполнен.

Проблема культурного, литературного синтеза Восток-Запад в современном татарском литературоведении присутствует постоянно, и она становится все более актуальной. Труды академика Н.И. Конрада служат надежным подспорьем для нас при исследованиях литературных явлений в историческом разрезе. Монографии Р.К. Ганиевой «Кул Гали и Восточный Ренессанс» и Х.Ю. Миннегулова «Татарская литература и восточная классика» свидетельствуют о плодотворности концепций академика о типологической общности мирового литературного процесса.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что во взаимодействии с отечественным востоковедением татарское литературоведение в состоянии ставить и решать масштабные задачи литературного развития.

Summary

F.M. Khisamova, N.S. Khisamov. Historical aspects of Tatar linguistics and literature studies.

The first part of the article presents some basic facts about the Old Tatar literary language of 16th – 18th centuries. Specifics of its existence in various functional styles are regarded. The second part views the oriental bases of the Tatar literature.

Up to early 20th century, the Tatar literature used to develop as an inseparable part of oriental writings. Its history could be examined only along with the history of Arabic, Persian and Turkish literatures. This gave specific orientalistic character to the Tatar literature studies.

Литература

1. *Наджип Э.Н.* Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык: в 2 ч. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1975. – Ч. 1. – 210 с.
2. *Тенишев Э.Р.* Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте // Вопр. языкознания. – 1979. – № 2. – С. 80–90
3. *Зайончковский А.* К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI – XVI вв.) // Вопр. языкознания. – 1967. – № 6. – С. 80–89.
4. *Фасеев Ф.С.* Кол Галинең «Кыйсса-и Юсеф» поэмасы // Татар теле һәм әдәбияты. Бишенче китап. – Казан: ИЯЛИ, 1976. – Б. 154–174.
5. *Хакимзянов Ф.С.* О поволжском варианте среднетюркского литературного языка // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. – Казань: Изд-во ИЯЛИ, 1983. – С. 3–24.

6. *Тенишев Э.Р.* О языке поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали // Поэт-гуманист Кул Гали: Сб. ст. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – С. 133–137.
7. *Благова Г.Ф.* О языковой ситуации в тимуридском Мавераннахре (рубеж XV – XVI вв.) // Turcologica. – Л.: Наука, 1986. – С. 42–52.
8. *Заляй Л. (Залялетдинов Л.З.).* Средний диалект татарского языка: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Казань, 1954. – 26 с.
9. *Хакимзянов Ф.С.* О языке межэтнического общения в Волжской Булгарии // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1985. – С. 76–87.
10. *Закиев М.З.* Язык «Кысса-и Йусуф» Кул Гали и этноязыковая ситуация в Волжской Булгарии // Поэт-гуманист Кул Гали: Сб. ст. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – С. 115–122.
11. *Рәхим Г., Газиз Г.* Татар әдәбияты тарихы. Борынгы дәвер. Икенче бүлек. – Казан, 1924.
12. *Рәхим Г., Газиз Г.* Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере. Икенче басма. – Казан, 1925.
13. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 222 с.
14. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 320 с.
15. Татар әдәбияты тарихы: 6 т. – Казан: Татар. кит. нәшр, 1984. – Т. 1. – 567 б.
16. *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // К проблеме русского самосознания: сб. – Париж, 1927. – С. 85–93.
17. *Хисамиева З.А.* Язык дастанов Кадыр-Гали бека: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 1980. – 20 с.
18. *Галяутдинов И.Г.* «Тарих наме-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1976. – 27 с.

Поступила в редакцию
18.10.07

Хисамова Фагима Миргалиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного татарского языка Казанского государственного университета.

Хисамов Нурмухаммет Шагвалеевич – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.